

Звездный наследник

Автор:

Игорь Гетманский

Звездный наследник

Игорь Гетманский

Звездный наследник #1

Оказывается, зеленый змий может не только губить некоторых индивидуумов, но и спасать звездные системы от нападения агрессивных инопланетных тварей. Так, Дэниел Рочерс, журналист-межпланетник, на пару со своим проявляющимся только после третьего стакана вторым "я" Дэнни-дураком, гениальным хакером и инженером-физиком, невольно берет на себя роль спасителя человечества. Добыв секретные материалы и освоив оставленный ему в наследство генератор пространственных преобразований, Рочерс ввязывается в драку с "монстрами Галактики", жестокими и загадочными звездными пиратами. Когда же выясняется, что за ними стоит нечто, совершенно непохожее на обычный криминал, отступить становится уже поздно...

Игорь Гетманский

Звёздный наследник

Глава 1. Бегство с планеты Виолетта

В тот вечер я напился, как свинья.

Когда после трехчасовой пытки сидения, слушания, непрерывной записи на диктофон и полного непонимания того, о чем речь, мне все-таки удалось принять разумное решение и просто сбежать с Межконфессиональной религиозной галактической конференции, я был уже, как выжатый лимон. Разумные решения, как правило, приходят к нам слишком поздно. «Задним умом крепок» – так, по-моему, давным-давно говорили в одной стране на нашей старушке Земле. Иногда мне кажется, что кто-то из древних землян заглянул в будущее, увидел в нем столь же лихого, сколь и незадачливого парня Дэниела Рочерса, журналиста еженедельника «Галактик экспресс», посмеялся, и вот тогда-то и родилась памятная идиома.

«Задним умом крепок» – это про меня было сказано, точно. Иначе я бы здесь не оказался.

Я выскочил из зала, как пробка, презрел медлительную помощь лифта и бегом спустился с двадцатого на первый этаж здания Конгресса.

– Всего вам доброго, мистер Рочерс, – вежливо сказали мне огромные зеркальные двери в вестибюле и раздвинулись. Я вздрогнул. За три дня пребывания на планете я все никак не мог привыкнуть к местным шуточкам. Здесь все вещи разговаривали с тобой, как со своим старым приятелем. Причем на знакомство времени не тратили, а неведомым образом идентифицировали тебя и немедленно вступали, так сказать, в контакт.

Компьютерное хамство. Такие приличные гуманоиды, местные аборигены, и вот – на тебе... А название планеты мне нравилось – Виолетта.

– Вы найдете дорогу в гостиницу? Сервисный отдел может предоставить вам такси...

Двери отметили мое замешательство и теперь с тупым усердием продолжали строить вежливый диалог. Но общаться с говорящими дверями и зеркалами – сейчас это было выше моих сил.

– М-м-м... – промычал я в ответ и вывалился из дверей единственного на планете стоэтажного небоскреба.

На широченной подъездной аллее, освещенной оранжевыми фонарями, никого не было. Я не пошел к воротам охраняемой территории, а раздвинул ветки плотного кустарника на обочине и шагнул на нетронутый газон Регулярного Парка Конгресса. Бархатный вечер чужой планеты мягко обнял меня за плечи, обступил тенями могучих и странно пахучих деревьев. Ласковый ветерок овеял разгоряченное лицо. Я углубился в парк подальше от света фонарей, остановился возле высоченного кустарника с треугольными листочками и всей грудью вдохнул теплый вечерний воздух...

Мне, определенно, сегодня не везло! Ароматы, испускаемые коварными листочками, ударили в нос резким запахом аммиака. Я закашлялся и зачертыхался. Этого еще не хватало! Вот что значит – не дома, не знаешь, где голову преклонить! Я кое-как успокоил дыхание, с тоскою поглядел в сторону подъездной аллеи – как мне не хотелось сейчас никуда идти, даже в свой номер в гостинице! – и направил стопы в противоположную сторону, к аккуратным скамеечкам, стоящим вокруг центральной парковой клумбы.

Что делать – я не знал. И поэтому решил пойти и понюхать теперь цветочки.

Я здорово притомился. Голова у меня кружилась, под ложечкой сосало от голода, а ноги, мои бедные ноги – незаменимый, важнейший после головы и рук профессиональный инструмент! – были ватными. Репортерская сумка с блокнотами, толстенным органайзером и диктофоном оттягивала правое плечо. Я остановился возле клумбы, осторожно втянул носом воздух – чертов запах мочевины не пропал! – послушал себя и понял, что сейчас мне ничто не поможет – ни бестолковое вытаптывание тропинок на газоне Регулярного Парка, ни бодрящее парковое амбрэ, ни даже ужин в гостиничном ресторане.

Я слишком устал для любых предприятий.

Для любых, кроме одного...

«Тебе нужно выпить», – внезапно прозвучал во мне зловещий внутренний голос, и это было произнесено, как приговор.

Я узнал этот голос. И сник.

И здесь я должен объясниться.

Я сник потому, что предательский голос на самом деле произнес не приговор, а заклинание. Заклинание это звучало во мне очень редко, но всегда заставляло врасплох. И если роковой голос прорезался, то Дэниел Рочерс был над собой уже не властен. Он переставал быть журналистом Рочерсом. Он становился кем-то другим. Может быть, инопланетянином, может быть, зомби – называть это можно по-разному, – во всяком случае, не совсем человеком, это определено.

В нем просыпался некий Дэнни-дурак. Он-то и был хозяином зловещего голоса, Дэнни начинался с него! И этот хозяин брал бразды правления в свои руки, распрямлял спину и открывал свою жадную глотку в немом ожидании подношения. В эту глотку полагалось вливать бренди, двойное виски без содовой, русскую водку – без ограничения дозы и без контроля над длительностью процесса.

Дэниел Рочерс в таких случаях безропотно исполнял желания Дэнни-дурака. И, когда процесс достигал определенного этапа, сливался со своим позорным двойником.

И вот тогда-то и начинались чудеса, и совершались подвиги, и враги обращались в бегство, и села горели, и женщины кричали Дэнни-дураку вслед – то ли проклятия, то ли благословения, то ли они пели, то ли рыдали навзрыд, этого я никогда не мог точно определить. Потому что из всех подвигов Дэнни-дурака помнил всегда очень мало...

Загадочный и неодолимый Дэнни был дан мне от рождения. Он был со мной всегда. Но впервые обнаружил себя в те счастливые студенческие времена, когда я на одной из вечеринок поднес к губам первую в своей жизни кружку пива. Дэнни тогда выскочил из своего забытья, как черт из табакерки, и продемонстрировал такие фокусы, что мои однокашники только диву давались.

Мне не пришлось проходить через многолетнюю адаптацию организма к «огненной воде», через рвоту при передозировке, через милые чудачества от двух капель спиртного. Для Дэнни эти вехи были пройдены уже давно, видимо, в прошлом его воплощении – в виде жирного спитого бургера из грязной прокисшей пивными дрожжами таверны, думал я. Дэнни пил серьезно, много, не терял головы, поражал друзей трезвостью мышления после бутылки бренди, невиданной физической силой – после двух, необыкновенным обаянием, совершенно губительным для женщин, – после трех...

Ну а потом, когда все для него просто начинало сливаться в одно огромное разноцветное и шумливое пятно под названием «окружающая обстановка», он в буквальном смысле обретал паранормальные способности. Вот почему я говорил о чудесах и горящих селах.

Но об этом потом, слишком уж это серьезное дело...

Я боялся Дэнни-дурака, как огня. Но он был во мне, он был Дэниелем Рочерсом номер два. И неизменно периодически заявлял о своих правах на выход в мир. Он знал: будь на то моя воля, я не выпустил бы его на свет Божий до скончания века. Он знал, что как только я услышу его призывный голос, всю свою силу обращу против него. И поэтому, дабы избежать трудной борьбы, он брал меня за горло именно в те моменты, когда по разным причинам силы покидали меня. Так, как сейчас.

И неизменно одолевал.

Я еще немного постоял возле клумбы, надеясь на какого-то мифического доброго волшебника, который снимет давление моего безумного двойника, но напрасно. Моя надежда безнадежно – горький каламбур! – умирала. Жизнь уходила из ее слабого тела с каждой минутой. Заклинание было произнесено. Приговор прозвучал. А если он прозвучал, то – сомневаться не приходилось! – будет исполнен. С непредсказуемыми последствиями для исполнителя и жертвы.

Причем и исполнителем, и жертвой в данном случае будет один и тот же человек – Дэнни Рочерс.

Тебе надо было уходить из «Галактик экспресс» сразу же, как уволили Старика, вдруг сказал я себе. Все неприятности начались именно с того дня. Они высосали из тебя силы, оставив сейчас один на один с твоим дружком. Надо было уходить. Не дожидаясь очевидного – пока на место Старика не пришел Молодой Имбецил. Смена главного редактора при любом раскладе – не шутки, а если исход процесса предсказуем, то зачем нужно подставляться? Вот и получил...

Я вспомнил маленькие и белесые, узко посаженные глаза Молодого Имбецила.

– Мистер Рочерс, завтра вы отбываете на планету Кара-Шки. Задача репортаж о строительстве канализационных стоков в Центральном регионе.

– Лететь далеко?

– Это в созвездии Девы. Всего неделя полета на пассажирском лайнере третьего класса.

– А почему не на «Гипер-люксе»? Я мог бы быть на месте уже завтра!

– Редакция не может оплачивать билеты на гиперлайнеры, когда речь идет о репортаже про канализацию. Тем более, у вас, как я знаю, есть собственный небольшой, но скоростной звездолет. Если вас что-то не устраивает, воспользуйтесь им.

– Я боюсь, что он там измажется... Как, вы сказали, называется планета? Какашки?

– Кара-шки, мистер Рочерс. Вы свободны.

Да...

Молодой Имбецил ненавидел меня еще с тех времен, когда после университета проходил практику в редакции. Я был его наставником и искренне хотел сделать из него толкового журналиста. Искренне. Но задача оказалась мне не по зубам. Никому она была не по зубам. Бедный парень не мог связать и двух слов. Вернее, он мог, он связывал их, но как он это делал! «Одеть пальто» – невиннейшая из его ошибок. Самое интересное, что он не понимал кривого смысла создаваемых им перлов, и, несмотря на долгое и вдумчивое растолковывание очередной ошибки силами всего журналистского корпуса «Галактик экспресс», воспроизводил их снова и снова.

Я, наверно, паршивый педагог, потому что как-то нарисовал ему это самое его «пальто», «одетое» в куртку и теплые шаровары. Он усердно изучил рисунок и ничего не понял. Даже не обиделся. Он...

Но достаточно. В общем, там, где дело касалось работы со словом, он обнаруживал изумительную бездарность, а когда немножко поднабрался опыта и осознал эту свою бездарность в полной мере, выдал совершенно непредсказуемую реакцию.

Он возненавидел меня, своего учителя. За то, что я могу, а он – нет.

За то, что я есть.

Все бы ничего, мне от его отношения было не холодно и не жарко. Тем более, что практика его однажды подошла к концу, и он исчез из моей жизни. Все бы ничего, если бы Молодой Имбецил не был сыном Хозяина.

И после того, как усилиями папаши Старик был уволен, не занял место главного редактора.

Молодой Имбецил взошел на царствование полгода назад, и эти последние шесть месяцев своей жизни я сейчас вспоминал с отвращением. Он давал мне самые унижительные и тяжелые задания, гонял по всем углам Галактики, заставлял париться в медлительных пассажирских звездолайнерах. Самые неинтересные интервью, самые дальние и скучные командировки ради толики безнадежно сухой информации, самые грязные и опасные планеты на свете – все это теперь стало моим...

Надо сказать, что Молодой Имбецил оказался настолько же хитер, сколь и бездарен. За все унижения и неудобства он мне вовсе неплохо платил. Я бы не заработал ни в одной другой редакции и половины тех денег, что мне выплачивали в «Галактик экспресс». И поэтому, несмотря на все безумие собственной деятельности последние полгода, я не уходил от Молодого Имбецила, деньги были мне нужны. И неизменно при встрече со своим главным редактором ловил торжествующий огонек в его глазах.

Я прекрасно его понимал. Парень в своей игре со мной делал ставку не на голодную смерть врага. Он ставил на другое.

Он хотел загонять меня. А потом действовать по обстоятельствам. Мой уход по собственному желанию ему был не нужен, ему хотелось выпереть меня с треском, со скандалом, создать мне имидж неумехи, возможно

неработоспособного саботажника, возможно – стервозника и психопата. Он ждал, когда же я, наконец, сорвусь, начну орать у него в кабинете, стучать кулаками. Или совершу какую-нибудь глупую ошибку в одной из бесчисленных командировок.

Или напьюсь от усталости и выпущу в свет своего Дэнни-дурака.

К огромному моему сожалению, он про Дэнни-дурака знал. Один раз во время своей стажировки он случайно увидел его. И запомнил. И, мне кажется, в своей игре делал на него крупную ставку.

«Кто предупрежден, тот вооружен», – говорили наши земные предки. Я, как мог, держал ситуацию под контролем, хотя мне иногда и хотелось врезать Молодому Имбецилу промеж глаз, а потом выпустить Дэнни на волю и сжечь к чертовой матери современный редакторский кабинет. Но я не позволял себе такой вольности. Мне хотелось одолеть своего врага, не дать ему ни одного шанса для осуществления его злодейских планов. Я потихоньку подыскивал себе достойное место в центральных издательствах и редакциях, рассылал резюме, давал работодателям многочисленные интервью и до поры находился в напряженном ожидании ответов.

Но, похоже, что я переоценил свои силы, а Молодой Имбецил добился, чего хотел.

Если прозвучало заклинание Дэнни-дурака, если я решил выпить, значит я дошел до ручки. Если Дэнни решился напасть, значит Дэниел Рочерс сейчас беспомощен, как ребенок. Мой двойник всегда ставил неизменно правильный диагноз.

Итак, заклинание прозвучало...

Еще медля и надеясь незнамо на что, я склонился над клумбой. Аляповатые цветы с разноцветными лепестками неодинаковой длины потянулись ко мне и мягко пыхнули в лицо искрящимися облачками пыльцы. В воздухе резче запахло мочевиной. Я отшатнулся от клумбы и брезгливо стер с лица вонючую пудру.

– Мистер Рочерс, разве вас не предупреждали, что на улицах города нельзя трогать декоративные растения? – спросила клумба звучным молодым женским

голосом. Я нервно дернулся.

– Тьфу! – мрачно ответил я клумбе. – Не спится тебе! Не трогал я ничего. Это твои вонючки меня тронули. Следи лучше за ними. У них, вон, лепестки разной длины.

– Дэн, ты с кем разговариваешь?

Только теперь я понял, что голос раздается не из клумбы, а у меня за спиной. И лишен той интонационной и звуковой механистичности, которой отличалась речь роботов. Напротив, голос этот был очень хорош. Достаточно низок, чтобы заинтриговать любого одинокого мужчину, например, такого, как я, и достаточно мелодичен и чист, чтобы не оттолкнуть даже самого строгого пуританина.

И еще: голос этот был мне знаком. Но я не мог вспомнить его владелицу.

Я обернулся.

Напротив меня стояла и улыбалась шикарной белозубой улыбкой Шарлотта Ньюмен, журналистка из телекомпании «Космик ньюс». Стояла и лукаво сверкала огромными бирюзовыми глазами из-под каштановой челки. Стояла и переминалась от возбуждения с ноги на ногу, с одной ослепительной ноги на другую ослепительную ногу, юбки ниже колен она презирала...

Я же всего-навсего просто врос в землю и переводил оторопелый туповатый мужской взгляд от ее стройных двоих на ее лицо, с лица – снова на ее умопомрачительные ноги: я их знал, я их помнил...

В конце концов мне с трудом удалось зафиксировать растерянный взор на уровне ее обворожительной улыбки.

Шарлотта. Лотта. Лоттик. Нежная и ветренная дива. Ночами – женщина-вамп, знойная и ненасытная, как дочь восточного шейха. Вечерами – обольстительная кокетка с парой спрямленных извилин в маленькой прелестной головке. Днем деловая журналистка-попрыгунья, острая, стремительная и коварная, как змея. Столь же деловая, сколь и неотразимая для респондентов. Когда мы работали

вместе, осечек я не знал. С ней можно было смело открывать ногой дверь самого Мирового Президента... Да что там «можно» – это было, я свидетель, я сам участвовал в операции взятия президентского дворца!

Я смотрел на Лотту, а веселые картинки воспоминаний растягивали мои губы в непроизвольной улыбке...

Полтора года назад она ворвалась ко мне рано утром, когда я еще лежал в постели, и сдернула с меня одеяло.

– Дэн, тебе нужно эксклюзивное интервью Большого Папы?

От таких предложений в нашей среде не принято отказываться. Даже если ты не то что еще не очухался спросонья, как тогда я, а и в более тяжелых случаях. Например, если готовишься отойти в мир иной.

– Спрашиваешь!

– Тогда пошли.

– Как? Прямо сейчас? А документы, оформление, охрана?

– Все уже готово, положись на меня.

Через час референт Президента открывал перед нами массивные двери.

– Кто посмел? – Большой Багровый Папа обернулся на стук быстрых каблучков в своих апартаментах и вперил взгляд в надвигающуюся на него Шарлотту. – У меня не назначены никакие встречи! – И референту:

– Куда вы смотрите? Куда смотрит охрана?

Охрана, как и референт, смотрела на то же самое, на что смотрел сейчас и Большой Папа. Всего лишь на Шарлотту в ее обычной униформе – мини-юбке и донельзя декольтированной блузке. Репортерские документы, разрешение администрации Президента на проход в святая святых за личной подписью Самого правда, просроченные и выданные не Шарлотте и мне, а совсем другим

людям были для охраны и референта – слаб человек! – в присутствии Шарлотты Ньюмен несущественны.

– Простите, я, кажется, не туда попала... – Слабый девичий голос зазвенел растерянными слезами. Умело наманикюренные пальчики затеребили кулонную цепочку на груди, яркий кулончик притягивал взгляд к завораживающим глубинам декольте...

Потом происходило следующее: изумленно-восторженный осмотр пришелицы старым ловеласом; скольжение беглым рассеянным взглядом по присутствующему Дэнни Рочерсу; всего лишь через мгновение – безвозвратное погружение в ловушечный бирюзовый омут невинных глаз.

– Ну, почему, я думаю, вы не ошиблись... Если вы оказались у Президента это не ошибка. Садитесь, пожалуйста...

Милая беседа сладкой парочки за чашкой кофе продолжалась больше часа, а Дэниелу Рочерсу оставалось только записывать вопросы и ответы...

Вот так работала Шарлотта Ньюмен... Лотта! Здесь? Откуда? Чудны дела твои, Господи!

Где-то около года назад мы случайно познакомились на открытии Музея инопланетных цивилизаций. Шарлотта тогда скакала по залам вместе с бледным худосочным парнем, телеоператором, стучала своими каблучками, что-то быстро чирикала в телекамеру и вызвала огромный интерес аккредитованного журналиста Дэнни Рочерса.

Впрочем, не его одного. Мужчины всех возрастов в зале не сводили глаз с шумной молодой гостью. Но в отличие от этих тупо-прямолинейных представителей мужского пола старый охотник Рочерс был слишком опытен и мудр, чтобы просто вести легкомысленное наблюдение. Он не пялился на прелести своей будущей жертвы понапрасну – он таился и ждал. Он дожидался счастливого случая в засаде, терпеливо и бесстрастно, как североамериканский индеец. И дождался. В одно из чудесных мгновений, которые иногда дарит судьба настоящему охотнику, Лотта грохнулась на пол, споткнувшись о конечность какого-то засушенного монстра. И вскрикнула беспомощно и жалко, и от этого крика в львином сердце индейца Дэна расцвел цветок очарования.

Дэнни Рочерс никогда не упускал свой шанс. Крик Лотты еще отдавался эхом в бесчисленных залах Музея, а он уже распрямлял свое тело-пружину в тигрином прыжке. Прелестная фигурка еще только начала суматошное барахтанье на полу, а он уже поднимал свое могучее тело в воздух. Соперники-мужчины еще только открывали рты для бесполезных криков и комментариев, а он уже нависал над своей жертвой. И в головокружительном полете чуть было не разразился ободряющим и победным рыком...

Одним словом, я преодолел расстояние до цели первым, оставив худосочного парня и остальных – многочисленных! – кандидатов с носом и подал девушке руку. Наградой мне был благодарный и заинтересованный взгляд незнакомки.

Так начался наш бурный и короткий роман. Закончился он какой-то глупой ссорой и переездом Шарлотты в другой город по приглашению телекомпании «Космик ньюс». С тех пор мы не виделись, а теперь моя утерянная дива стояла напротив меня и улыбалась во весь рот.

Наконец я обрел способность говорить и радостно выдохнул:

– Лотта!

– Ага! Попался! – радостно закричала она и бросилась мне в объятия с такой силой, как будто собиралась перелететь вместе со мной через клумбу, а в полете взять меня на удушение.

Это было в ее духе, это я помнил. И понял, что нюханье цветочков было напрасной затеей. Лотта никак не могла быть добрым волшебником-партнером в моей борьбе с Дэнни-дураком. Совсем наоборот. Теперь уж, на радостях, я собирался выпить наверняка. Ну и хорошо, сказал я себе.

И как-то сразу успокоился и захрипел в железном кольце обнимающих ручек:

– Эй! Полегче, Лотта, откуда ты взялась?

– Редакционное задание, как и у тебя! – Она, запыхавшись, чмокнула меня в щеку, разомкнула удушающее кольцо и сдула челку, упавшую на правый глаз. – Я еще вчера тебя увидела на литературной презентации, только в толпе

потеряла. А сегодня нашла. Увидела, как ты улизнул из зала, и пошла за тобой. Ты что здесь бродишь один? Ты в порядке, Дэн? Может, надо закончить разговор с клумбой?

И зашлась мелодичным смехом. И прогнулась назад так глубоко, что из под короткого супермодного пиджачка без рукавов показалась светлая полоска кожи. А я стоял и смотрел на ее нежные, обнаженные по плечо руки, на эту дурацкую полоску между юбкой и пиджачком, на каштановую челку и теперь тоже улыбался во весь рот. Лотта. Я совсем перестал думать о ней, а как, оказывается, рад встретить снова!

– Ну, Дэн! – Лотта отсмеялась и ласково заглянула мне в глаза. – Ты еще не забыл меня? Я скучала...

Я деланно-изумленно округлил глаза:

– Ты? Да неужели?

– Правда! Не смейся. Я за тобой все это время следила... Все время, что мы не виделись. Читала твои статьи. – Она помолчала и вдруг стала совсем серьезной. – Я тревожусь за тебя, Дэн. Мне кажется, у тебя неприятности. Последние несколько месяцев. По твоим публикациям видно. И выглядишь ты не очень, усталый какой-то. Что с тобой?

Меня тронул этот милый переход от бурной радости к заботе о ближнем. Шарлотта нисколько не изменилась – была все так же непосредственна, подвижна и мила, все так же непредсказуема и забавна. Но упоминание о неприятностях снова опрокинуло на меня усталость последних недель, и мне вдруг захотелось выпить с такой силой, что я откинул от себя даже тень каких-либо претензий к своему Дэнни-дураку.

– Долго рассказывать, дорогая, – беспечно ответил я Лотте, понизил голос до интимной хрипотцы – она любила это! – и привлек к себе.

Она обвила голыми руками мою шею. Ее пухлые губы оказались напротив моих, каштановая челка ласково защекотала мое лицо, глаза превратились в бездонные туманно-бирюзовые озера. Я обнял ее крепче, она задохнулась:

- Дэн...

Наш первый после годовой разлуки поцелуй был долгим. Был сладким. Был страстным.

Любовным...

Но Дэнни-дурак внутри меня уже распрямил спину и разинул свою бездонную пасть во всю ширь.

- Пойдем, посидим где-нибудь, отметим нашу встречу, - прошептал я в маленькое розовое ушко сакраментальную фразу моего двойника, он любил вот такие банальные идиотские обороты.

- Пойдем, - радостно, доверчиво и тихо ответила она.

И мы пошли.

А мой Дэнни - дурак, алкоголик и злой колдун - стоял уже в полный рост и с наглой победной ухмылкой прихлопывал в ладоши.

Надо сказать, что хоть я и гуманитарий, меня в свое время очень интересовали разные математические термины. Вот, например, «дискретная функция». Звучит очень загадочно. «Дискретная» - значит «разрывная». Тянется линия на листе бумаги, тянется, и вдруг - хоп! - оборвалась! Потом дальше еще раз. И еще. И получается, что это и не линия уже вовсе, а так - какая-то каша из черточек...

Так же обстоит дело и с памятью Дэниела Рочерса, когда Дэнни-дурак вступает в свои права. Функционирует она по законам дискретной функции. Иными словами - «здесь помню, а здесь не помню».

Я очень хорошо помню, как мы с Лоттой не спеша дошли до нашей журналистской гостиницы. Помню, как Лотта весело щебетала всю дорогу до бара и не отпускала мою руку со своей талии, а я чувствовал шальные токи, пронизывающие ее изумительную фигурку, и сам начинал заводиться раньше времени, и от этого иногда спотыкался на идеально ровной мостовой.

Помню, как мы уселись за маленький столик в уютном уголке ресторанного бара, как официантка-аборигенка – три глаза, четыре руки и запах мочевины от аляповатого цветка в нагрудном кармашке передника – поставила перед нами блюда с закусками и три бутылки настоящего бренди. Землян в нашей гостинице кормили исключительно земными блюдами и поили земными напитками. И еще помню, как Лотта бросила на меня испуганный взгляд, когда пред светлыми очами Дэнни-дурака предстали вожделенные бутылки.

«Пузыри», как он их называл.

– Дэн, – осторожно спросила меня Лотта, – ты уверен, что мы сумеем справиться? – И кивнула на маленький отряд «пузырей». Только в этот момент я сообразил, что Лотта так и не успела познакомиться с Дэнни-дураком, наш с ней роман был счастливым, он не омрачался появлением на сцене ни Молодого Имбецила, ни моего порочного двойника.

Что я должен был ей ответить?

– Ты моя любимая женщина, Лоттик... – сказал я, потянулся к ней через стол, взял ее руку в свою и поцеловал в запястье. – Я так рад, что ты нашла меня...

Ее лицо залилось легким пунцовым румянцем от удовольствия, она опустила голову, закрылась каштановой челкой и прижала мою руку к своей щеке.

Я задумчиво-печально вздохнул над ней, как над спящим ребенком. Когда я начинал т а к разговаривать с Лоттой, она забывала обо всем. Когда-то мы не раз воспроизводили подобную мизансцену – там, на Земле, в Центральном мегаполисе, в маленьком кафе, в двух шагах от моего мотеля, где я постоянно снимал номер...

Я вдруг задумался: шутил я или говорил серьезно? Я заглянул в себя, обойдя взглядом развалившегося в ожидании начала застолья Дэнни, и признал, что за последний год не было у меня в жизни ничего – ни приятных встреч, ни ярких событий, ни любви, ни даже настоящей борьбы – ничего абсолютно не было. Дэниел Рочерс жил, как спал, а когда засыпал – как будто умирал, сны мне в последнее время не снились.

Но когда у меня была Лотта, все было иначе: я жил, я помню. И теперь вот она появилась снова, появилась всего несколько минут назад, и...

«Я на тебя гляжу – не нагляжусь, боюсь, что ты исчезнешь, как виденье!» выдал недюжинное знание моих юношеских поэтических экспериментов Дэнни-дурак и цинично загоготал.

Меня как будто плеткой ударили. Мои стихи! Единственные стихи, которые я не предал огню за бездарность, потому что чем-то они были мне дороги. Не помню чем, но были! И этот дебил смеет!.. Я проклял памятьливость своего внутреннего дикаря, а потом раздосадованно заорал:

«Заткнись, придурок!»

«Наливай давай, лирик! Не медли, – не смутился Дэнни. И решил на всякий случай немножко меня стимулировать. – Я тебе за это через часик все твои желания начну исполнять, понял? Ну как, годится?»

«Иди ты...» – деланно-вяло отреагировал я, а сам испугался. Если Дэнни сегодня настроен исполнять мои желания, то этот колдун исполнит – точно. Как загадаешь, так и исполнит. Обязательно. Какие бы они не были. И это чревато. Но...

Я посмотрел на троицу «пузырей», деликатно отнял свою руку у Лотты и решительно сорвал с ближайшей бутылки пробочную жестянку.

И пошло-поехало.

Я с наслаждением впивался зубами в сочный бифштекс и подливал Лотте бренди. Я рассказывал ей что-то смешное, вставал, обходил стол и у всех на глазах целовал ее в губы. Она отмахивалась от меня, а я вливал в глотку неугомонному Дэнни еще стакан и хватал ее за руку и тянул из-за стола танцевать. Она затихала у меня в руках под медленную слезоточивую мелодию, а я был нежен и внимателен, предупредителен и галантен, остроумен и смешлив.

Я ухаживал за ней так, как по разным идиотским соображениям не позволял себе делать этого год назад, я снова и снова объяснял ей, что такое для мужчины любимая женщина, она хохотала и рвалась из моих объятий, а я не отпускал ее руки из своей и все подливал бренди – ей и себе, себе и ей – и все дальше и дальше уводил за собой в ту страну беспечного, бесшабашного и губительного веселья, которую так хорошо знал Дэнни-дурак.

Лотта пила испуганно, как всегда, но ее страх никак не сказывался на подносимых мною дозах. И поэтому она через некоторое время здорово захмелела и зачирикала, милая птичка, и закачала каштановой челкой – озорно, задорно, сексуально. Так, как это могла делать только она.

Функция моей памяти стала дискретной где-то к концу застолья. Я сужу об этом потому, что совершенно не помню, как я расплачивался с официанткой и как выходил с Лоттой из бара.

Зато помню тот момент, когда Дэнни-дурак начал полностью завоевывать инициативу в противостоянии с уважаемым журналистом Рочерсом.

Когда мы вышли из бара, я оставил Лотту отдыхать в кресле посреди обширного, заставленного пышными незнакомыми растениями холла, а сам по сложной траектории двинулся к четырехрукому и трехглазому администратору взять ключи от номера.

Администратор стоял за разделительным полированным барьером и мерил меня высокомерным взглядом. И при этом противно цыкал зубом. Я купил у него газеты, принял из липуче-аморфных лап ключи и уже собрался было вернуться к Лотте, как что-то задержало меня.

Я снова посмотрел на наглую физиономию инопланетного холуя. Он, холуй, мне не понравился. Дэнни-дураку – тоже. Я снова облокотился о барьер.

– Послушай, приятель, – сказал я администратору, блуждая строгим пьяным взглядом по пупырчатому жабьему лицу, – почему с нами здесь никто не разговаривает?

Безгубый рот с рыбьим прикусом растянулся в деланно-услужливой улыбке:

– Что?

Болван! Я почувствовал, что начинаю заводиться и поэтому сосредоточился, взял себя в руки и грохнул кулаком по разделительному барьеру:

– Вещи, предметы! Я имею в виду вот что, приятель: почему с нами не разговаривают ваши глупые двери, и зеркала, и вот эта твоя стойка молчит, как будто в рот воды набрала, а?

Бледная жабья рожа озадаченно вытянулась, а потом осуждающе смялась в гармошку.

– Посмею заметить, сэр, что у этой, как вы пожелали выразиться, стойки нет рта, – брезгливо заметил холуй.

– Что? – Я позволил себе стать таким же занудой, как и он. – Как это нет рта, когда она должна разговаривать?

Администратор с брезгливой гримасой снизошел до моей тупости.

– Я хотел сказать, что ваши коллеги решительно воспротивились участию гостиничного компьютера в общественной жизни журналистского корпуса, мистер Рочерс, – противно задергала гармошкой вместо лица жаба о шести конечностях.

– Идиоты! – громко проворчал я, вращая глазами.

– Совершенно с вами согласен, сэр, – охотно согласился администратор.

И вот здесь Дэнни-дурак озверел. Он, несмотря ни на что, уважал профессию Дэниела Рочерса и никогда никому – кроме, конечно, меня – не позволял плохо отзываться о журналистах. И пока я с открытым ртом переваривал наглый ответ, он хорошенько размахнулся и врезал трехглазому администратору в срединный глаз.

– Я говорил не о журналистах, болван! Журналисты никогда не были идиотами, – назидательно произнес он моими устами. – В противном случае ты бы не смог

продать ни одной газеты, а достоверную информацию о мире получал бы вот от этого болтуна.

Он кивнул на полированный барьер и снова грохнул по нему кулаком.

Внимательно выслушав горячий монолог гостя, администратор медленно закрыл все три глаза и плавно осел на пол.

Внутри барьера что-то щелкнуло и приветливый механический голос произнес:

- Добрый вечер, мистер Рочерс!

- Привет, - высокомерно ответил Дэнни-дурак, а я направился к Лотте.

Не помню, кто кого поддерживал по дороге к лифту: я Лотту или она меня. Не помню, как мы вошли в лифт и как из него выходили. Не помню, как ввалились в номер. Может быть, мы с Лоттой застряли в лифте, и в течение часа нас вытаскивала из шахты бригада рычащих от ярости аборигенов-ремонтников; возможно, что я где-то выронил ключи и поэтому вышибал дверь в Лоттин номер плечом и одновременно проклинал чужеземные гостиницы с планетой Виолетта впридачу, и поднял на ноги всех обитателей этажа...

Возможно, все это было. Какие-то проблески памяти впоследствии подкидывали мне такие сомнения. Возможно, всего этого не было. Во всяком случае, мне уже никогда не узнать правды. Сам я точно ничего вспомнить не могу, спрашивать у Лотты мне было стыдно, а с персоналом гостиницы я с той ночи не виделся и не разговаривал.

Потому что последующие несколько часов, которые я провел в гостях у земной журналистки Шарлотты Ньюмен, стали последними часами моего прибывания на планете Виолетта...

Когда мы ввалились в двухкомнатный люкс Лотты, мое сознание немного прояснилось. Трезвее я не стал, но смена стандартной обстановки на некое подобие домашнего уюта, даже на такое жалкое, какое может дать гостиничный номер, подействовало на меня благотворно. Лотта, слегка покачиваясь на своих стройных двоих, ушла в ванну, а я развалился в кресле и вынул из карманов

пиджака еще две бутылки бренди: Дэнни-дурак следил за своим рационом пищи глазами.

Он благодушно скопил глаза на бутылки и спросил:

«Желания будешь загадывать?»

Я раздраженно-пьяно икнул:

– Мое единственное желание – чтоб ты исчез! – Стены комнаты то плавно надвигались на меня, то становились безмерно далеки. Люстра под потолком совершала стремительное вращение, как вентилятор. – Сгинь, хотя бы на время, я все-таки с женщиной!

Дэнни равнодушно зевнул:

«Я так и собирался сделать, пока ты здесь будешь... Скучно. Но потом вернусь. У нас с тобой сегодня богатая программа! Налей на посошок!»

Я опрокинул в него еще один стакан, и он исчез. Он никогда не оставался со мной, если я уединялся с дамами. Почему – для меня оставалось загадкой. Его уходы очень смахивали на трогательную деликатность, но я все-таки думаю, что это всего лишь проявление его узости: кроме спиртного и пьяных подвижных игр на свежем воздухе, включая драки, его ничто не интересовало.

– Дэн! – прорвался ко мне сквозь пьяный шум в ушах плачущий голосок Лотты. – Поддай мне полотенце, я из ванны не могу дотянуться!

Я встрепенулся.

Это был сигнал. Это было разрешение. Это был призыв.

Дэниел Рочерс, неотразимый Дэниел, сорвал с себя галстук. Дэниел небрежно расстегнул на груди рубашку. Дэниел пригладил свои мягкие локоны. Наверно, это все-таки были не локоны, а кудри, но тогда мне почему-то хотелось думать именно так, о локонах. Дэниел Рочерс вправил в глазницы выкаченные налитые глаза и вошел в ванную комнату.

Через минуту мы с Лоттой вывалились из ванной и начали хаотичное передвижение в пространстве люкса. Мы оказывались то в одной комнате, то в другой, то в постели, то за столом. Иногда мы катались по ковру, и тогда на нас падал торшер и столовые приборы. Иногда мы задерживались у окна, и тогда жалобно звенели стекла. Иногда мы налетали на стену, и тогда на нас осыпалась потолковая побелка.

У меня кружилась голова – от беспорядочной смены декораций, от Лотты, от ее сверкающих глаз, огромных бирюзовых глаз на разбурявшемся от нашей дикой игры лице, от ее заливистого смеха, от ее рук, бесчисленных рук, которые, казалось, тянулись ко мне со всех сторон и обнимали разом...

Мы восстанавливали, как могли, изуродованный интерьер и снова падали на ковер. И снова крушили мебель и стены, и пили бренди, а потом неведомым образом моя голова оказывалась зажатой в щели между стеной и постелью, и мягкие губы Лотты накрывали мои. Затем – снова стол, снова бездонные, нескончаемые бутылки, и уже сама Лотта наполняла мою рюмку – она всегда была настоящей заводной девчонкой! – и снова бросалась на меня, как тигрица. А я упирался, а я, качаясь, убегал от нее, хотя бес вождления снова одолевал меня. Но я знал: скоро должен был вернуться злой колдун и бандюга Дэнни, и силы мне еще понадобятся...

И он вернулся.

И Дэниел Рочерс начал действовать по сценарию Дэнни-дурака.

– Лоттик! – Я прервал свой отчаянный рейд-побег между кресел, торшеров, музыкально-компьютерного центра, тумбы с видеофоном, стола и замер на месте.

– Что? – Лотта не смогла остановиться сразу и врезалась головой мне в спину. Я развернулся к ней лицом. Она подняла голову и, потирая ушибленный лоб, тревожно посмотрела на меня. – Дэн, что?

Ей было, о чем тревожиться. Я повернулся и восторженно смотрел на нее, и весь мой вид – лицо с выпученными красными глазами, рот, растянутый в идиотской улыбке, всклокоченная шевелюра – являл собой наглядный пример внезапно

наступившего безумия. Но я не обращал внимания на неправильную реакцию Лотты. Я не сошел с ума, просто меня посетила гениальная идея.

– А на что нам сдалась эта пропахшая мочевиной Виолетта? – спросил я Лотту тихо и так значительно, как будто сделал великое открытие. – Что мы здесь забыли? Полетели на Землю! Ко мне в мотель!

Глаза Лотты стали такими же круглыми, как и у меня. Гениальность замысла поразила ее с не меньшей силой, чем меня самого.

– У-ух, ты! – запавшим от волнения голосом прошептала она. – А сколько сейчас времени? Теперь ни один корабль, наверно, не взлетит, ночные рейсы запрещены...

О, эти практичные человеческие существа, женщины! Причем здесь время суток, местные порядки, законы, невозможность! Причем все это, когда сама Вселенная призывно смотрела на нас любовным взглядом и звала в свои черные ледяные просторы, и ожидала новых подвигов космического пирата Дэнни!

Я уже одной рукой натягивал брюки, а другой подносил к губам Лотты бокал с бренди.

– Любимая! Мы летим! – Я застегивал на груди рубашку и каким-то образом одновременно осушал из горла последнюю бутылку. Лотта смотрела на меня замороженным взглядом и, следуя моему примеру, уже натягивала на себя мини-юбку. Я подобрал с пола и бросил ей разбросанные по полу женские вещички. – Ты помнишь, любимая, моего покойного папеньку, ты помнишь его?

Я перешел на несколько устаревший и, так сказать, выпренный стиль речи. Мне это было свойственно в минуты особенно сильного волнения.

– Нет, дорогой, – в тон мне ответила уже полностью загипнотизированная моей гениальностью и решительностью Лотта. – Я не помню твоего папеньку...

– О-о, Шарлотта! Как же так! – воскликнул я, а сам затягивал на шее галстук и помогал Лотте справиться с кое-какими застежками на спине, на груди и на боках. – Стыдно! Хотя... – Я замер и посмотрел на нее пронзительным

оценивающим взглядом. – Это вполне простительно для столь юной особы... Мой папенька умер почти два года назад, а последние двадцать лет своей жизни жил совершеннейшим отшельником и оставил после себя необыкновенный труд...

– Труд? – В Лотте проснулся хмельной, но чуткий литературный редактор. – А разве труд можно о с т а в и т ь?

– Можно! – гаркнул я. – Можно, когда дело касается моего покойного папеньки! Он оставил мне звездолет!

– Ах! – вскрикнула Лотта и выронила из рук сумочку.

– Да! Звездолет! – Я поднял сумочку с пола, подал ее Лотте, а сам закинул на плечо свой репортерский багаж. – Сконструированный его собственными руками! Звездолет с принципиально новыми возможностями перемещения в пространстве и ведения боевых действий в условиях Космоса!

Последнее утверждение было, скажем так, спорным и непроверенным на практике. И вообще, я никогда и никому этого не говорил. Держал в строжайшем секрете. Но Дэнни-дурака уже несло, я ничего не мог с ним поделать.

Я взял Лотту за руку и потянул к двери.

– Он оставил мне его в наследство, но перед смертью так и не успел ничего объяснить. И уничтожил всю документацию. Он был гений, а все гении, похоже, или алкоголики, или сумасшедшие...

Я бросил на Лотту многозначительный взгляд. Она смотрела на меня восхищенно. Сейчас в ее глазах я находился сразу в трех удивительных ипостасях – был и гением, и алкоголиком, и сумасшедшим.

– Этот уникальный аппарат, – продолжал я, – как шкатулка Пандоры, напичкан всякими дьявольскими штучками неизвестного предназначения. Ни один человек на Земле не смог бы использовать его на все сто! Скорее, это смог бы сделать какой-нибудь негуманоидный инопланетянин – настолько папенькин

звездолет сложен и оригинален!

Меня, точно, сегодня как будто кто-то тянул за язык. Я решил его побольнее прикусить, но времени даже на это не было.

Я уже выскочил в коридор и тащил Лотту из номера за собой.

– Подожди, Дэн! – Лотта преданно стучала каблучками у меня за спиной. Зачем ты мне это рассказываешь? При чем здесь звездолет твоего папеньки?

Я остановился. Мое изумление внезапно открывшейся глупостью своей подруги было так велико, что я превратился в соляной столб. Лотта опять уткнулась головой мне в спину и громко испуганно вскрикнула. Из-за дверей соседних номеров раздались глухое ворчание и ругательства на разных языках.

Что говорить, мы здорово тогда набрались, очень здорово. И моя Лоттик – не меньше меня. Но я не мог дать ей послабление ни в чем, тем более в тот момент – в самом начале столь ответственного предприятия, как возвращение на Землю. Я обернулся и уперся строгим взглядом ей в переносицу:

– Лотта, с тобой все в порядке?

Моя любимая женщина стояла и снова потирала рукой лоб, ушибленный о жесткие лопатки Дэнни Рочерса.

– Дэн, – жалобно протянула она и покачнулась. – Я не понимаю, как мы полетим на Землю в два часа ночи! На Виолетте ночью все звездолеты – на приколе!

О эти две спрямленные извилины в прелестной головке!

– Женщина! – зарычал я. – Причем здесь звездолеты Виолетты? Ты только что прослушала целую лекцию о папенькином звездолете и в чем-то еще сомневаешься?

– Но Дэн!.. – вскрикнула совершенно ничего не понимающая Лотта и запнулась. Дверь ближайшего к нам номера открылась, и из-за нее вылезла в коридор огромная мохнатая голова снежного человека.

«Планета Бадур! – высверкнуло у меня в голове. – Гористая заснеженная планета Бадур! А этот парень – журналист оттуда. Там тоже водятся журналисты! Мы его разбудили, а он умеет плевать клейкой слюной на двадцать метров и попадает без промаха прямо в глаз. Плюнет – неделю ресницы не разлепишь!»

Снежный человек остановил на нас маленькие злые красные глазки.

– Кхе-кхе... – загадочно прохекал он.

И я понял, что он собирает в своем поганом рту побольше слюны, чтобы исполнить то предназначение, для которого, видимо, и был создан природой плевать в занятых порядочных людей. Журналистика для такого монстра могла быть только легкомысленным хобби.

Лотта истерично завизжала, но я, мирный человек, действовал под чутким руководством Дэнни-дурака. И поэтому скомкал шерстяную рожу в одном огромном кулаке, а ударом второго огромного кулака отправил снежного человека вглубь номера. После чего захлопнул дверь.

– Так вот... – Я взял Лотту за локоть и повел в сторону черного входа. Что-то подсказывало мне, что не стоит проходить мимо трехглазого администратора в вестибюле. – Так вот, Лотта, я чувствую, что ты не совсем готова к восприятию ситуации, – вдумчиво начал я, но Лотта прервала меня:

– Ты же говорил, что никто не может поднять звездолет твоего покойного папеньки в воздух! И что он находится на Земле! – Она помолчала и снова выпустила своего редактора. – Естественно, звездолет находится на Земле, а не папенька...

– Ты права, дорогая, мой покойный папенька – не н а Земле. Он уже давно в земле, – печально констатировал я. – А вот насчет звездолета ты ошибаешься. Он здесь. Стоит в Долине Навигаторов.

В этот момент мы как раз спускались по лестнице. Лотта открыла от изумления рот и споткнулась. Если бы я ее не удержал, то очередной лестничный марш она бы миновала намного быстрее, чем рассчитывала.

– Что-о? Так ты умеешь управляться с этим загадочным, оригинальным, гениальным летательным аппаратом?

Лотта в подпитии нравилась мне все больше и больше. А ей, по всему видно, все больше нравился мой звездолет, которого она не видела никогда в жизни. Я снисходительно ухмыльнулся в ответ:

– Зачем ты спрашиваешь? Когда Дэн Рочерс ставит перед собой задачу – он решает ее. Это закон.

Она бросилась мне на шею и одарила горячим поцелуем. А я не стал больше ничего объяснять. Потому что, как ты тут не объясняй, по всему выходило, что это не я освоил управление папенькиным звездолетом, а Дэнни-дурак...

Мой папенька когда-то был инженером Бюро Звездных Стратегий. При этом надо сказать, что невзрачное слово «бюро» никак не передает огромных масштабов строго засекреченного научного комплекса, созданного с целью разработки концепции и аппаратного обеспечения защиты Земли от инопланетных вторжений.

Дураков там не держали. Более того, там не держали и свинцовозадых середняков. И если мой папа был «всего лишь» специалистом среднего звена Бюро, то это означало, что он давал сто очков форы любому ученому-«внештатнику» в вопросах, относящихся к проблемам космического оружия, перемещения в пространстве и технического оснащения звездолетов.

Впрочем, он этим не особенно гордился. Потому что знал одну тайну, которая ставила его недосыгаемо высоко над всеми – не только над какими-то там «внештатниками», но и спецами высшего звена Бюро Звездных Стратегий. Незадолго до своей смерти он открыл мне эту тайну.

– Я – гений, сынок, – сказал он мне просто, и я почему-то поверил ему.

Мне очень хотелось верить ему. Я любил своего папу.

Несмотря на то, что в тридцать пять лет он ушел с работы и из семьи, и доконал этим мою мать, и через два года после его ухода я, тринадцатилетний пацан,

остался один; несмотря на то, что он уехал со своим другом Джеймсом Уокером, таким же сумасшедшим яйцеголовым энтузиастом, как и он, куда-то в недра забытых цивилизацией северных лесов и там занимался воплощением неизвестных никому гениальных замыслов; несмотря на то, что встречался я с ним один раз в несколько лет, когда он удосуживался вылезать из своей строго засекреченной берлоги; несмотря на...

Я любил его. И всегда его ждал – когда был ребенком, когда был юношей, а когда я стал взрослым, то одного его тихого зова было достаточно, чтобы я бросил все и оказался рядом с ним. И когда он, умирая, попросил меня прилететь и дал мне свои координаты, которые, скорее всего, до сих пор не давал ни одному человеку в мире, я примчался к нему в тот же день. Примчался в дикий замороженный лес, на огромную, покрытую черным снегом – снегом или сажей, или мазутом, смешанным с грязным снегом, – поляну. И поляна эта, как я и думал, оказалась затерянной в тысячах миль заснеженных пустынь и лесов, и даже сам Господь Бог никогда, наверное, не подозревал о ее существовании...

Я примчался, выскочил из арендованной «птицы» и побежал, спотыкаясь, к насквозь проржавевшему, древнему, как сама Земля, кое-как утепленному ангару. Я бежал, а сам все смотрел себе под ноги и боялся провалиться, потому что знал по словам отца: подо мной лежит целый подземный город, набитый приборами и аппаратурой. Город, который отец и Джеймс создали вдвоем, – всего лишь вдвоем, с помощью пары устаревших киберов! – и вся поляна усеяна отверстиями утилизаторов и снего-водо-воздухозаборных люков.

Я высматривал еле заметные ловушки в снегу и перепрыгивал через них, а когда достиг ангара, застучал ногами по металлическим узким ступеням и распахнул дверь. И пока наощупь пробирался по темному длинному коридору к отцовской комнате, только страх, один только страх был в моем сердце.

Я боялся, что опоздал.

Я не опоздал. Я застал его живым. И был последним человеком, на которого он смотрел и с кем говорил. Последним. И единственным – я знаю! – с кем он хотел проститься.

– Я – гений, сынок, – сказал он мне тогда. – Ты потом, может быть, поймешь это. А может быть и нет. Поэтому я тебе это сам говорю, поверь своему отцу и

запомни. Так же, как и то, что я всегда любил тебя. И скучал. Но не мог ничего поделать. Прости.

Он с кряхтением повернулся на постели, посмотрел мне в глаза своими блеклыми, больными, безмерно усталыми глазами. Мне показалось, что я увидел в них нерешительность. Он медлил говорить то, что, видимо, считал нужным сказать...

Он опустил взгляд, пожевал бледными тонкими губами и продолжил:

– То, ради чего я когда-то бросил тебя и маму, стоит в подземном ангаре, в секторе Z. Потом пройди туда. Когда мы приступали к работе, я думал, что создание генератора пространственных коридоров стоит любой жертвы. Только... Мы получили не совсем то, что хотели... Даже совсем не то... Мы вышли на уровень, в тысячу раз значительнее и масштабнее того, на котором начинали работать. – Он снова откинулся на подушки и уставился в потолок. – Лучше бы ничего этого не было... Мы создали супероружие, Дэн, страшное, мать его... А когда обкатывали и модернизировали эту штуку, наткнулись во Вселенной на одну гадость... Испугались, но останавливаться было нельзя, – ты понимаешь? – мы не имели права останавливаться... Джеймс в конце концов не выдержал ответственности и улетел куда-то к чертовой матери. И таким образом все возложил на меня. А я не смог закрыть «дыру»...

Отец замолчал, переводя тяжелое дыхание. Я мало понимал из того, о чем он говорил. То, что он и Уокер занимались пространственными преобразованиями и поиском новых способов перемещения во Вселенной, я знал из его обмолвок в наши прежние редкие встречи. Но что это за «гадость», на которую они наткнулись, и какую «дыру» отец собирался закрыть – оставалось для меня тайной.

Задавать вопросы я не хотел: отец был очень плох.

Он собрался с силами и снова заговорил:

– Уокер перед своим отъездом просил меня уничтожить генератор... Но этого просто нельзя делать, такой масштаб... Вчера я сжег всю «сопроводилку», все документы, чтобы никто и никогда не смог ни в чем разобраться, и сегодня отдаю генератор тебе в наследство. И таким образом слагаю ответственность с

себя. А на тебя – возлагаю. Эта штука... Хочешь – возьми ее, она по праву принадлежит тебе, это плод жизни твоего отца. Не хочешь – не бери. Тогда взорви здесь все к... Когда я умру.

– Пап...

– А больше я тебе ничего не скажу. Пусть все остается на волю Хозяина всех гениев и их безумных открытий... И на твою волю тоже...

Он отказался от лекарств, от помощи врача, которого я мог бы доставить ему в полчаса: «Бесполезно, Дэнни. Эту болезнь не берут лекарства. Она не то, что ты думаешь... Она – не земная... Я попался в одно... поле во время наших экспериментов. Не суетись – пустое...»

Он умер на следующее утро. Я не испытал серьезного потрясения от его смерти. Я любил его, но не был к нему привязан. «Любил» и «привязан» – для меня независимые понятия, кто прожил детство безотцовщиной при живом недостижимом отце, меня поймет...

После того, как я похоронил его под старой кривой сосной, – «положи меня там, Дэнни, ты увидишь издали. Моя судьба была кривой, как это дерево...» я спустился в подземный город и нашел сектор Z...

«Штука» оказалась космическим летательным аппаратом размером с длинный трехэтажный коттедж. По внешнему виду она ничем не отличалась от стандартных двухместных звездолетов – все тот же уплощенный корпус типа «амеба», все те же серебристые плоскости из стандартного сверхпрочного сплава, тупой, чуточку задранный нос, дюзы для маневрирования вне режима «быстрого» перемещения...

В университете нас, гуманитариев, довольно рьяно натаскивали на практическое освоение управления разными видами космических аппаратов. Потому что знали: настоящий журналист при первой возможности займет собственный звездолет, чтобы забыть, как страшный сон, пассажирские «тихоходы». Мобильность и оперативность – вот основа успеха настоящего профессионала, а их может обеспечить только личное средство передвижения, это в нас вдалбливали тоже.

Так что в технике я разобрался на уровне грамотного пользователя, и папин звездолет меня нисколько не испугал.

Я нашел на стойке шасси пульт управления «вход-выход», включил внутреннее освещение, открыл нижний люк и проник в звездолет. После внешнего осмотра, который ничем меня не поразил, вряд ли я ожидал увидеть что-то необычное внутри. И я, действительно, поначалу не нашел для себя ничего интересного.

Все было до боли знакомо – уютный полукруглый зал с креслами для пилотов на носу корабля, встроенные в стены мониторы и различные пульта, две двери – в бытовое и служебное помещение, вход в отсек ходовой части...

И только потоптавшись на месте пару минут, когда я в третий раз заставил себя оглядеть каждую деталь интерьера, а потом охватил взором все помещение разом, я начал понимать, что здорово ошибаюсь.

Этот звездолет был мне незнаком.

Я, точно, никогда такого не видел.

Зал, несмотря на идеальное сходство интерьера со стандартным интерьером обычного звездолета, имел площадь, раза в полтора меньшую, чем предписывалось Сводом технических параметров космических летательных аппаратов. За серебристыми переборками, следовательно, скрывалось нечто. Та самая «штука», о которой говорил отец. И еще. Ни одна клавиша ни на одном пульте не имела опознавательного знака или надписи. А это при отсутствии документации делало даже поверхностное ознакомление с управлением звездолетом невозможным.

Я теперь уже с опаской пересек зал и подошел к раздвижным дверям технического отсека. При моем приближении они открылись. Я настороженно остановился на пороге, и не зря. Дальше хода не было. Герметичные массивные кубы, заключающие в себе рабочую часть двигателя, были смонтированы прямо у дверей, а не в глубине отсека, как полагалось. Стальной мрачной стеной они закрывали собой обширное пространство кормы звездолета.

Я немного постоял и подумал. И решил, что в кормовой зоне стоит основная часть «штуки», а пространство за переборками зала занимают ее периферийные

устройства.

После этого я включил бортовой компьютер. Два монитора перед креслами пилотов засветились большими объемными экранами.

- Назовись! - приказал я компьютеру.

- Голос не идентифицирован, - равнодушно ответил он мне довольно приятным голосом. - Дальнейшие попытки контакта приведут к перезагрузке системы с необратимым стиранием хранящейся в памяти информации.

Я заткнулся. Выводить из строя бортовой компьютер мне не хотелось.

В тот день на более тщательные исследования меня не хватило. После того, как я понял, что звездолет представляет из себя всего лишь наглухо заколоченный неподъемный стальной сундук неизвестного предназначения, усталость и печаль вдруг охватили меня. Я выключил компьютер, вылез из звездолета и побрел к эскалатору, идущему вверх, на папину поляну.

Я шел по захламленному, полуразрушенному подземному городу, по его серым коридорам-«улицам», я обходил кучи металлического лома, спотыкался о клубки кабелей и трубопроводов, шурился на редкие, измазанные какой-то дрянью лампы и ни в чем, нигде не находил ни нотки, ни звучка жизни. Смерть отца, как я не отстранялся от нее, все-таки подавила меня.

Смерть отца. И заснеженная поляна посреди заледеневшего от безысходности мира. И город - подземный разваленный памятник запустению и безнадежности...

А потом был длинный тоскливый вечер, и ветер выл за мутными стеклами ангара, и луна носилась за облаками по всему небосводу, как ведьма, и корявые руки стонущих от бури, заледеневших от бури, умерших от бури тысячу лет назад, мертвых, как смерть, и все-таки стонущих деревьев - стучали в стены и в дверь. И я сидел и стонал им в лад и вспоминал отца, и думал об этой нелепой трагикомедии под названием «человеческая жизнь», и жалость к отцу сжимала мне сердце, и точила, свербил в мозгу одна жестокая, безнадежная, больная мысль о том, что уже ничего, ничего невозможно исправить...

А потом пришел Дэнни-дурак, и я тогда обрадовался ему, и встал, и открыл папины запасы спиртного. А когда через два часа Дэнни-дурак в нашем тандеме стал человеком номер один, он поднял меня и вывел под дождь и снег, и злобный ветер, и мы спустились в подземный город, чтобы снова забраться в папенькин звездолет...

А дальше я ничего не помню...

Когда на следующее утро я очнулся на отцовской постели – смертельно больной с похмелья, замерзший, как собака, и опухший, как пятидневный труп, первым моим желанием было опохмелиться. Я немедленно сделал это, немного взбодрился, и тогда ко мне пришло второе желание: узнать, что вчера натворил Дэнни-дурак в папином звездолете.

Я привел себя в порядок, побрился, позавтракал, как мог это сделать в своем болезненном состоянии, и отправился в подземный город.

Звездолет, слава Богу, стоял на месте и был целехонек. Я очень этому обрадовался, потому что от злого колдуна Дэнни можно было ожидать что угодно. Когда же двери контрольной камеры открылись, и я вошел в зал, то радость моя сменилась изумлением.

Первое, что бросилось мне в глаза – бортовой компьютер был включен, два его монитора перед креслами пилотов приветливо мигали крупными буквами озорного приветствия: «Ура Дэну Рочерсу, новому хозяину космической развалюхи!»

Судя по стилю, это была шуточка Дэнни-дурака. Значит, он включил компьютер и... Я быстро подошел к мониторам и громко сказал:

– Назовись!

– Бортовой компьютер класса L, условное название «Ланцелотт», инициирован ровно шестьсот минут назад, в два часа ноль пять минут по местному времени. Система управления передвижением в пространстве находится в состоянии готовности.

У меня закружилась голова. Значит, ночью Дэнни-колдун сумел «распечатать» компьютер?! Но как он это сделал? Блокировка такой степени, какую установил отец, была практически непреодолима. Ее снятие требовало замены некоторых плат в системном блоке. Но при этом уничтожались все программы, управляющие информацией в памяти. При желании, хорошенько покопавшись, можно было привести бортовой компьютер в действие, но это был бы уже просто электронный ящик, требующий загрузки нового программного обеспечения...

Дэнни-дурак каким-то образом обошел блокировку!

Алкоголик. Колдун. Дьявол...

Я встряхнулся и снова забегал взглядом по экранам мониторов. Что еще удалось выжать из этого ящика Дэнни? Спрошу о пультах управления...

- Ланцелотт, покажи табель опознавания управляющих клавиш.

На экранах мониторов высветились схема пультовой клавиатуры и таблицы с обозначением функционального назначения каждой клавиши. У меня чуть глаза на лоб не полезли: ничего себе, полный контакт! Я мгновенно выделил знакомые любому пилоту названия. Теперь я мог лететь на папенькином звездолете, куда угодно, и навсегда забыть об аренде страшных замызганных космолетов, а также о пассажирских лайнерах! Вот это подарок! Спасибо, папенька! Спасибо Дэнни-дураку!

Я окончательно осмелел и, предвкушая только получение положительных ответов, стал задавать компьютеру быстрые вопросы:

- Автопилот работает?

- Да.

- В память заложены трехмерные карты земного шара?

- Да.

- Галактики?

- Да.

- Освоенных секторов Вселенной?

- Да.

Я возбужденно потирал руки. Пора домой, Дэн! Сделай кружок над поляной на унаследованном звездолете, обкатай его, как полагается, а потом отправь автопилотом арендованную тобой «птицу» на базу. А сам возвращайся домой с в о и м ходом.

Мой взгляд снова задержался на таблицах, высвеченных на экранах мониторов, и тут я и опомнился. А «штука»? Я сел в кресло пилота и внимательно изучил таблицы. Названия четырех управляющих клавиш «штуки» ни о чем мне не говорили. Более того, они настораживали. «Ловушка», «Зеркало», «Окно»... Одна из клавиш называлась особенно загадочно – «Уйти, чтобы остаться»... Знаменательное выражение. Наверно, это Джеймс выдал, подумал я, папенька не запоминал подобные обороты... Я немного помешкал и спросил:

- Слушай, Ланц, как насчет «Ловушки»? Эта функция инициирована?

- Вместе с системой управления звездолетом иницируются все заложенные программы. Запуск программы «Ловушка» приведет встроенную корабельную систему в активное состояние и немедленному выполнению поставленной задачи.

Встроенная система! Вот она – «штука», подумал я и перебил Ланца:

- Сформулируй эту задачу! – Я задержал дыхание. Неужели Ланц сейчас откроет мне папенькину тайну?

- Развернутые определения задач, поставленные перед встроенной корабельной системой, стерты из памяти Ланцелотта. Ваша просьба не может быть удовлетворена.

Я раздосадованно выдохнул. Чудес не бывает. Тайна есть тайна. Настроение мое упало, но ненамного. Судя по тому, что говорил папенька о «штуке», лучше

действительно не знать, на что она способна. И заблокировать клавиши со страшноватыми названиями. Если бы отец знал, что Дэнни так легко вскроет компьютер и положит руку на управление его «штукой», он бы, ясно, не обрадовался. Так и не будем тревожить его мирный сон. Спи спокойно, папа. Ты подарил мне звездолет, и этого Дэну Рочерсу вполне достаточно. А там посмотрим. Жизнь покажет...

Я заблокировал программы, связанные со «штукой», простился с Ланцем и отправился отдыхать. Вечером мне предстояла «обкатка» нового звездолета. После этого, ночью, я собирался улететь с огромной заснеженной поляны, от старого ангара, от похороненного под землей города, от отцовской могилы – навсегда.

Когда я выходил из звездолета, одна мысль промелькнула у меня в голове. Я вспомнил хрипловатый папин голос: «Я не смог убить свое детище. Да этого просто и нельзя делать, такой масштаб...»

И подумал о том, что если бы отец не подозревал о существовании Дэнни-дурака и его колдовских способностях, он не стал бы сжигать документацию.

Вот такая история. Я не собирался обо всем этом рассказывать Лотте: в тот момент у меня были дела поважнее. Мы, во-первых, должны были зайти еще раз в бар, чтобы взять с собой запас бренди для неутомимого Дэнни-дурака. Во-вторых, мы должны были без приключений добраться до Долины Навигаторов. А в-третьих, что было самым трудным, как-то проникнуть на территорию космодрома, которая ночью охранялась местными аборигенами с особенной тщательностью.

– Лотта, – оторвал я от себя восторженную подружку. – Прекрати! Вот, смотри, мы уже на втором этаже, здесь есть ночной бар!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/getmanskiy_igor/zvezdnyy-naslednik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)